

Моск. правда - 1996. - 14 сент. - с 4.

...Но кое-что все-таки сбывается

Беседа со Станиславом Лемом

ЭКСКЛЮЗИВ

- Культурная жизнь тоже противоречива.

- Эта противоречивость меня не удивляет. Я немножко удивился, когда Борис Стругацкий посетовал, что произведения, написанные им в соавторстве с братом, ныне покойным, сегодня читают без прежнего энтузиазма. Раньше были нарасхват, а теперь... Что ж, все меняется.

- Сейчас можно купить книги, которые раньше только снились в золотом сне. А вот незначительные стихотворцы потеряли возможность издаваться. Нужны необычайные усилия...

- Зато легко издается порнуха.

- Что ж делать. Свобода. - У нас католическая церковь кое-как сопротивляется. Я сегодня утром смотрел германское телевидение. Была дискуссия о порнографии, использующей детей.

- Самой крайней...

- Это просто кошмар. Они спокойно дискутировали. Присутствовали изготовители продукции, по-ихнему, порнусы. Я так скажу: слишком мало свободы - это очень плохо. Слишком много свободы - тоже плохо.

- Может, с течением времени вы стали, как полагаются, консервативнее?

- Именно. Я себя называю либеральным консерватором. Иначе просто... Но влияет ли мнение отдельного человека на происходящее в мире?

- Увы. Я прочел в вашей «Этике технологии», в эссе, которое высоко ценю, что даже шофер, попадающий на автостраду, полную автомобилей, перестает обладать собственной волей, а становится частью общего саморазвораживающего механизма.

- Это очевидно.

- По Энгельсу, «безволь-

но»? - Да. Вообще-то я недолюбиваю всех этих «классиков марксизма». Теперь могу сказать это прямо и открыто. Маркс ошибся в самом существенном: придумал человека-фикцию, никогда не существовавшее лицо, которое если чем и обладает, то только классовым сознанием. Лицо, что будто бы исчезнет вместе со всеми своими пороками, когда мы построим коммунизм. Все при коммунизме станут главными. Это утопия, а попросту ложь. Были у истории разные эпохи, не похожие друг на друга, а человек остался, думаю, тем же, кем был.

- Считаете, что природа человека очень устойчива?

- Изменяется вот что. Раньше человеку нужна была палка, нож, а сегодня он требует уже атомную бомбу. Террористы взрывают самолеты. Усовершенствованы инструменты, при помощи которых можно мучить и убивать.

- А страсть к мучительству прежня?

- Раньше надо было душить другого руками, сейчас достаточно нажать кнопку - и уже летят ракеты с боеголовками.

- В «Больнице Преображения» герой говорит - про убийц: «Как они могут делать такое и жить?» Делите ли вы людей на хороших и плохих?

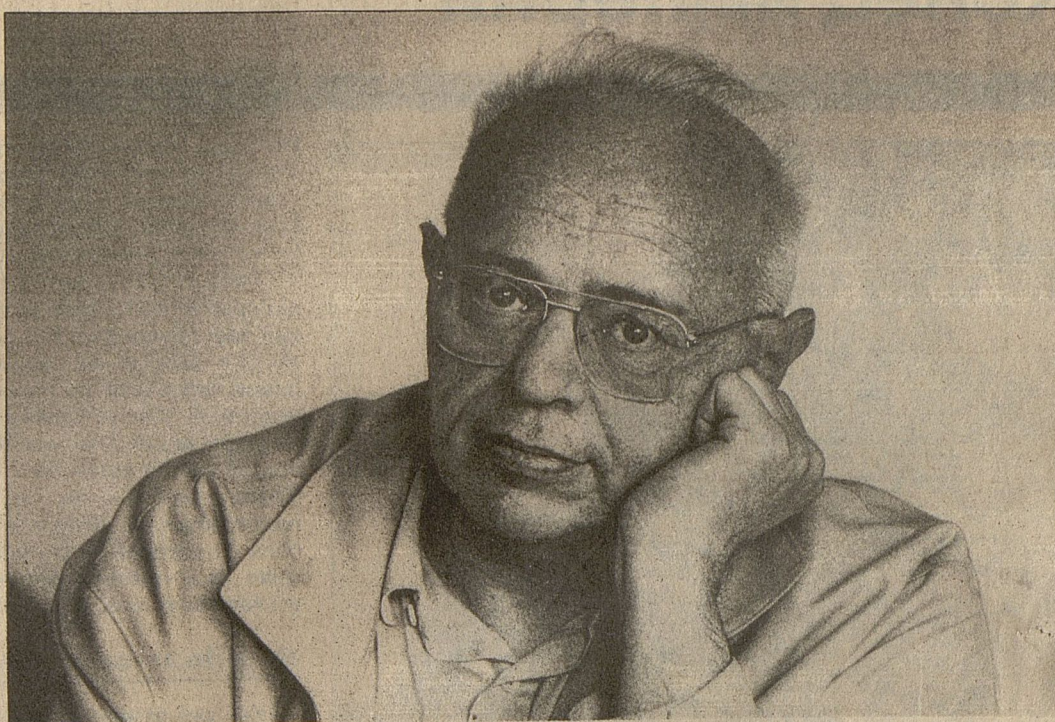
- Должен сказать, что эту книгу я написал, когда мне было 26 лет. Сегодня в три раза больше. Вот вы цитируете что-то, а я не все так хорошо помню. Книг, которые сохранил полстолетия назад, никогда сам не читаю. Книжки как дети. Вырастают, уходят, ведут собственную жизнь. Одни живут, другие, когда люди перестают их читать, умирают. Меня пока читают.

- Говорят, писателю дорога только последняя книга.

- «Больница», кажется, вполне удавшийся роман, если мне позволено иметь собственное мнение. Сочиняя его, я мучительно думал: как ведут себя люди под прессом смерти, что чувствуют. Немецкая критика писала, что роман по-своему продолжает мотивы «Волшебной горы» Томаса Манна. Там гроза еще где-то за горизонтом; здесь уже перед нами. Потом я стал писать совершенно другие вещи. «Удрал» во вселенную. Отчасти потому, что хотел ускользнуть от цензуры.

- Хотите сказать, что выбор фантастического жанра был продиктован политическими условиями?

- Да. Но это не значит, что я сделал сознательный выбор. Принял решение: отныне стану фантастом. Нет. Не так. Просто однажды я сказал некоему Ежи Панскому, что в Польше никто не пишет в жанре научной фантастики. Он

Мит атена „Московской Правды“
привет от
Станислава Лема
из Польши
в 1996 году!

спросил: «А вы бы могли, возникни такая возможность?» Я сказал: «Почему бы и нет?» «Хорошо», сказал он. Я даже не знал, что это директор крупного издательства. Вскоре мне пришло письмо с просьбой указать название книги, для которой отведена позиция в плане. Я написал: «Астронавты». В тот момент я не знал, что это будет за книга. И я эту книгу написал. А когда вышла, получил крупный нагонный от критики. Мне было заявлено в печати, что если бы существовала цивилизация на Венере, там бы существовала коммунистическая партия Венеры. И эта коммунистическая партия Венеры никогда бы не допустила, чтоб венериане совершили агрессию на Землю и т.д. и т.п.

- Дурацкое было время?

- Пятидесятый год. Сильный сталинский мороз. Хорошо еще, что цензура не знала, что должна существовать коммунистическая партия Венеры, а то бы моя книга вообще не вышла. И когда ее захотели издать в Москве, я получил письмо: сделайте, мол, десятки мелких и крупных поправок. Я отказался. Или издавайте, как написано, или вообще не издавайте. Молчание. Через год с небольшим книга вышла и долго считалась чуть ли не «классикой» соцреализма.

- Безоблачная...

- Оптимистическая. Против атомной войны и т.п. А когда я написал следующую книжку «Магелланово облако», то профессор Злотовски, был у нас такой циник, шибко партийный, работавший «внутренним рецензентом» издательства «Искры», разнес мое «Облако» в прах на 20 с лишним страницах. Помните, кибернетику официально объявили буржуазной лженаукой. Я переименовал ее в механевристику, спрятал, так сказать, концы в воду. А Злотовски меня «разоблачил». Написал, что Лем хочет перетаскивать...

-... протаскивать?

- Да, именно. Протаскивать чудовищные вещи. А через несколько месяцев улизнул в Соединенные Штаты.

- Пример поверхностности и лживости коммунистических идеологов!

- Ну, ясно. Мой русский переводчик Константин Душенко говорил, что под влиянием «Облака» Ефремов написал «Туманность Андромеды».

- Возможно. Есть перекличка.

- Там туманность, здесь туманность... Вся ответственность за это утверждение лежит на Душенко. Я лично про это ничего не знаю. Я даже не знаком с Ефремовым.

- Он умер...

- Знаю. От сердечной болезни.

- А помните высокого, худого журналиста из «Огонька» по фамилии Велтистов? И он, под вашим влиянием, - взялся сочинять фантастику. Его «Приключения Электроника» популярны. Я написал к ним

предисловие. И там, со слов Велтистова, сказано, что он возил Лема в Дубну. Он этим гордился. Потому что тогда иностранцы Дубну вообще-то не посещали.

- Поездку в Дубну помню. Что меня поразило? Не знаю, почему, но советские, главным образом, русские физики не побоялись открыто сказать мне, что Дубна стоит на костях зэков. Другим иностранцам они, может быть, этого не сказали.

- Причина откровенности в огромной любви к вам. Любовь вызывает доверие. Так доверяют тайны женщины в постели.

Лем смеется.

- Я был в СССР трижды: в 62, 65 и 69-м годах. Несколько раз жил в московской гостинице «Пекин». Рядом метро «Маяковская». Станция была украшена мозаикой с заседанием политбюро (это воспоминание Лема нуждается в уточнении, - В.П.) И члены политбюро с годами исчезали один за другим. Сперва исчез «примкнувший к ним» Шепилов, потом другие.

- Может, сначала все-таки Сталин?

- Может, Берия? Мне казалось, что исчезнувшие просто падают как тени. Хочу рассказать вам историю с энциклопедией. В 50-м я подписался на БСЭ. Вышли первые тома. Вдруг письмо из Москвы: нука возьмите ножницы и вырежьте статью «Лаврентий Берия». И вклейте вместо нее какую-то другую. «Бермуды», что ли. Я рассердился, поехал к антиквару и продал подписку. Хотите делать свою энциклопедию, делайте ее сами, без меня.

- А нельзя было пренебречь требованием?

- Я с таким «научным» изданием не желал иметь ничего общего. В пятницу энциклопедия такая, в понедельник она внезапно меняется...

- БСЭ 2-го издания известна как самая лживая энциклопедия в мире.

- В моем кабинете имеется коммунистическая литература. Краткий курс истории ВКП(б), потом Хрущев, мутация, так сказать, тоже тираж полмиллиона, потом... Товарищ Сталин тоже есть: о победе Советского Союза в Великой Отечественной войне. А вот и «Майн кампф» другого диктатора.

- Пана Станиславе, вернемся в Россию. Каковы были ваши впечатления?

- Я приехал в Москву с польской делегацией. Вбежал какой-то журналист; делегация уехала в Ленинград; меня повезли в Дубну. Там я глазил на первую в мире атомную электростанцию. Был обстрелян пи-мезонами. Разговоры крутились не скажу, что исключительно вокруг политики, нет, это было слишком опасно, но ведь я интересовался точными науками, физикой. Потом меня привезли обратно в Москву, в ту же гостиницу. Мы жили на

последнем этаже в номере с высокими потолками: настоящий зал высотой 6 - 7 метров.

- Я слышал, что «Пекин» строили пленные немцы.

- Знал я немало немцев, побывавших в плену в СССР, воспоминания у них были не слишком приятные. Западно-германский акустик, который сделал этот аппарат, что у меня в ушах, потерял все зубы.

- На фронте?

- Нет, в советском плену.

- А где вы встречались с Высоцким, хриплый голос которого поминаете в мемуарах?

- Кажется, я познакомился с ним через Галича. Меня привели в какую-то московскую квартиру. Может, к моей переводчице Ариадне Громовой. Или еще к кому-то. И там пел Галич. Он снял и положил на стол телефонную трубку, чтоб в какой-то другой русской квартире могли услышать, как он поет. Высоцкий тоже пел для меня, но где - не вспомню.

(Только выйдя от Лема, я догадался, почему Галич снял и положил трубку. Не для того, чтоб его где-то услышали. Вероятней всего, наоборот. В те годы в Москве считалось, что КГБ прослушивает через телефонный аппарат разговоры оппозиционной интеллигенции. А если трубку снимаешь, система блокируется. Верно это или нет, не знаю. - В.П.)

- Вы были на встрече с читателями в Институте Курчатов?

- Эта фамилия не звучала. Мне сказали: институт высоких температур. В атмосфере таинственности я получил записку от Галича: человек, который за мной придет, заслуживает доверия, я буду в полной безопасности и могу сказать все, что думаю. Вечером приехала небольшая машина. «Запорожец». Я спросил, как мне сесть, там же люди. Сказали: ничего, садитесь к кому-нибудь на колени. Поехали по неосвещенным улицам.

- Похоже на то, что вас повезли именно к курчатовцам. Институт расположен в районе, где много зелени, а раньше вокруг жилых кварталов не было вовсе.

- Куда, я не знал. Понимал, что не следует спрашивать слишком много. Лучше помалкивать. Такое было время. Я слишком хорошо усвоил суть системы. Сегодняшние молодые люди, которым во время большого перелома истории, во время польской «Солидарности» было 7, пусть 10 лет, а сегодня 17 - 18, не представляют себе, как мы жили. Им рассказывать об эпохе, что минула, все равно, что об Ассирии, о Вавилоне. Они ничего не понимают...

- Все реалии ушли. Переживания иностранца, приехавшего в Москву в 65-м, им не близки.

- Это мягко сказано. Как вы могли, спрашивают, написать таких нелепых «Астронавтов», с каким-то благородным китайцем... и т.д.

- Они стремятся вынуть человека из его времени. И у нас такое случается. Пана Станиславе, вы полюбили Москву?

- В 60-е годы я предпочитал Ленинград. Исаакиевский собор... Царское Село... пусть и разрушенное гитлеровцами...

- А в Кремле были?

- Только гулял вокруг. Там построили... дворец съездов... не надо было этого делать.

- Теперь поздно даже обсуждать.

- И то счастье, что сохранилась часть старой Москвы с чудесными церквями. А скажите, Ленин все еще лежит в мавзолее?

- Да.

- А часовые стоят?

- Нет.

- А очередь?

- Тоже нет.

- Половинчатое решение.

Ни да, ни нет.

- Подробности, по правде, не знаю. Как говорил когда-то мой давний приятель Юзек Алешковский, все никак времени нет сходить в мавзолей.

Лем смеется. Я:

- Еще раз вернусь к «Больнице Преображения». Роман кончается любовным объятием. Подчеркнуто, что женщина, которая отдалась герою, чужая. Он даже не помнит, как ее зовут. Она почти жертвует собой, своим телом, как могла бы пожертвовать незнакомцу последний ломоть хлеба. И герой, вопреки христианской догме, становится после греховного акта на миг чистым, не замаранным ни единым словом - как в минуту, когда он появился на свет. Любовное сближение отделяет, заслоняет лица, которые неотвязно преследуют его. Смыкает ужас увиденного преступления. Как отнеслись к этому в Польше?

- Один пошлый рецензент написал про эту женщину, что она несимпатичная, и другие глупости. И что же? Я не ответил. Писателю не следует отвечать ни на комплименты, ни, тем более, на ругань. Помните, у Пушкина: «Муза... хвалу и клевету приемли равнодушно, и не оспаривай глупца».

- Согласен.

- Книга либо цементирует сама себя, либо...

- Это хороший ответ.

- 99 из 100 посещающих меня не обращаются к началу моего пути. Все говорят о сегодняшнем дне, Соединенные Штаты то, Соединенные Штаты се.

- Вас бранили за финал романа с клерикальных позиций?

- Особенно негативной была оценка героини. Она, мол, фригидна, асексуальна...

- В романе такой краски нет.

- Я даже почувствовал обиду, хотя смешно сказать: писатель обиделся за героиню своего романа, женщину, не существовавшую никогда.

- В романе есть чудо телесного сближения мужчины и женщины, в котором гаснут кровавые картины жестокости и смерти.

- Я с вами полностью согласен. Но мое согласие не имеет большого значения. Это просто частный разговор. А хула в печати? Подумаешь, один дурак напечатал свое дурацкое мнение. Пусть печатает, что хочет. Хорошо помню разговор между Гете и его секретарем Эккерманом. Гете утверждал, что писатель не должен спорить с критикой. Эккерман сказал: «Если скажут, что вы украли серебряную ложку?» Гете сказал: «Тоже нет. Молчать». Думаю, верно.

- Вот и Толстой, когда спросили, что он хотел сказать «Анной Карениной», со вздохом заметил, что должен, попытайся он ответить, написать роман заново. Вроде так.

- Вообще, если автор жаждет что-то сказать, он пишет. Скажите мне, читает ли кто-нибудь Солженицына?

- Думаю, читают. Я по крайней мере.

- Сам-то он не слишком доволен Россией. Но его главное пророчество сбылось - он вернулся. Кто же мог в это поверить?

- Значит, кое-что из предсказанного все-таки сбывается?

Лем смеется.

- Что за работа у вас на столе?

- Свою беллетристику я забросил. Романов больше не пишу. Только эссе. Понемножечку... Возраст... Буду благодарен, если пришлете экземпляры «Московской правды», чтоб я составил о ней впечатление.

Владимир ПРИХОДЬКО.
Краков - Москва.

Окончание. Начало см. в «МП» за 12 сентября.